

Mélanges asiatiques
tirés du
Bulletin de l'Académie Impériale des sciences
de
St. - Pétersbourg.

Tome XIV.
(1909 - 1910).

St. - Pétersbourg, 1910.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1910.
 (Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg).

Изъ поѣздки въ Турецкій Лазистанъ.

(Впечатлѣнія и наблюденія).

Н. Я. Марра.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 24 марта 1910 г.).

I. Путешествіе.

Цѣль поѣздки. — Интересы яфетической фонетики. — Колхида на Чорохъ-Фазисѣ. — Чанскія переживанія въ Кларджети. — Лазы-чаны, тебр. чайны, въ древности қауи'ш. — Вліяніе чанскаго языка на древне-грузинскій. — Чаны — проводники греко-византійскаго церковнаго вліянія въ Грузію. — Преимущество чанской рѣчи Турецкаго Лазистана. — Отпоръ археологическимъ и этнографическимъ наблюденіямъ со стороны то населенія, то власти. — Батумъ. — Приготовленія къ поѣздкѣ. — Бесѣда съ лазомъ изъ Архавы. — На пароходикѣ «Трапезундъ». — Прибытіе въ Атину. — Февзи-бей и занятія чанскимъ языкомъ. — Экскурсія по Атинскому ущелью. — Ламго. — Баш-кой. — Приготовленія къ путешествію въ Видз. — Нижній Булепъ. — Эски-Трапезонъ. — Артамень. — Вицз. — Бегское гнѣздо. — Занятія чанскимъ языкомъ. — Экскурсія по Абу-џарскому ущелью. — Приготовленія къ путешествію въ Архаву или Аркабъ. — На фелюкѣ изъ Вицз. — Тороць. — Сумла. — Моцхоръ. — Аркабъ (Архавы). — О занятіяхъ чанскимъ языкомъ. — Изъ Архавы въ Хош на фелюкѣ. — Допросъ у каймакама. — Изъ Архавы въ Хошъ вѣшкомъ. — Еще объ отношеніи полиціи и населенія. — Что нужно для плодотворности экскурсій въ села? — Распространеніе русскаго языка и отсутствіе симпатій къ русскимъ.

Цѣлью моей поѣздки въ Турецкій Лазистанъ было изученіе языка его коренныхъ обитателей, — чанскаго или, какъ принято еще называть его болѣе позднимъ терминомъ, лазскаго. Изученіе чанской рѣчи является настоятельною необходимостью, вытекающею изъ наличнаго состоянія науки объ яфетической вѣтви языковъ, т. е. о грузинскомъ и родственныхъ съ нимъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Яфетидологія нуждается въ провѣркѣ исторической фонетики, построенной на сопоставленіи съ семитическими языками, и на основаніи собственныхъ діалектическихъ матеріаловъ.

Историческую нашу фонетику яфетическихъ языковъ хотѣлось провѣрить на лазскихъ, точнѣе чанскихъ матеріалахъ и потому, что она даетъ намъ основаніе возбудить вопросъ о приуроченіи классическаго преданія о

Колхидѣ не къ Ріону-Фазису, а къ Чороху-Фазису, поскольку Чорохъ по фонетикѣ яфетическихъ языковъ восходитъ къ формѣ Қорохъ, чтѣ, въ свою очередь, представляетъ мѣстную форму съ полногласіемъ и съ р вм. л названія *калх или колх, сохранившагося въ греческихъ сказаніяхъ.

Несомнѣнно, что чѣаны были оттиснуты цѣликомъ въ тѣсныя предѣлы современнаго Лазистана весьма рано, но неразомъ. Или мингрельцы, или чѣаны представляли коренное населеніе и на востокѣ отъ Чороха, между прочимъ— по лѣвому притоку его Имер-хеву, въ бассейнахъ котораго грузины - карты появляются лишь съ конца VIII-го вѣка, а армяне, предшествовавшіе грузинамъ, также были пришлымъ племенемъ, осѣвшимъ на территоріи чѣановъ. Таково представленіе, возникающее у насъ о Кларджетіи при знакомствѣ съ Житіемъ Григорія Хандзтійскаго, подвижника VIII—IX-го вѣка, и невольно насъ тянуло къ чѣанскимъ языковымъ матеріаламъ, чтобы найти въ нихъ опору для распознаванія чѣанскихъ пережитковъ въ географической номенклатурѣ Кларджетіи.

Были еще и другіе культурно-историческіе вопросы, вынуждавшіе отнестись съ особымъ вниманіемъ къ языку лазовъ, которыхъ грузины называютъ чѣанами (ჭან-ჯანი [an-eb-i]) и въ которыхъ мы имѣемъ извѣстныхъ древнимъ армянамъ чѣановъ = чейновъ (Չէն թւոյն) и «чѣанив» (Չանիւն [an-iv]). Занимаясь названіями нѣкоторыхъ металловъ, въ томъ числѣ *бронзы*, я напалъ на признаки яфетическаго ихъ происхожденія, и мнѣ хотѣлось мои лингвистическіе доводы проверить по языковымъ даннымъ лазовъ, тѣмъ болѣе, что природное названіе ихъ [an или [aun по нашей исторической фонетикѣ является позднѣйшимъ видоизмѣненіемъ [kaun («kaïn, resp. қаин), т. е. второй части эпонимическаго родоначальника «тубал-кайн», собственно «Тубал-каин», по Библии (Книга Бытія 4, 22: ἦν қаин), изобрѣтателя мѣди или желѣза, «ковача всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза».

Наконецъ, изученіе древне-грузинскаго литературнаго, точнѣе — церковнаго языка, обвнаружило нѣкоторыя слова и выраженія чѣанскаго и мингрельскаго происхожденія, между прочимъ, такихъ существенныхъ терминовъ христіанской церкви, какъ ღჳცხადს (*тайная*) *вечера* и ღჳცხა *вечерняя служба*, которые находятъ свое объясненіе въ чѣанскомъ и мингрельскомъ: въ нихъ ღჳცხა обычное слово, обозначающее *ночь*, *вечеръ*.

Болѣе обстоятельное выясненіе этой стороны дѣла чрезвычайно важно для датировки памятниковъ древне-грузинской письменности, вообще для исторіи грузинской литературы. Дѣло въ томъ, что непосредственное вліяніе греко-византійскаго міра на грузинскую церковь, греческаго языка на гру-

зинскій начинается съ извѣстнаго момента. Съ какого? Мѣстныхъ реальныхъ традицій на этотъ счетъ не сохранилось. Мѣстныя традиціи легендарно возводятъ греческое вліяніе къ моменту зарожденія христіанства въ Грузіи. Между тѣмъ, начальная эпоха грузинской церкви протекала въ единеніи съ древней восточной церковью сиро-персо-армянскою. Это ясно выступаетъ, между прочимъ, изъ изученія грузинскихъ переводовъ св. Писанія.

Литературные памятники обнаруживаютъ, что еще въ VIII, IX, X и даже XI вѣкахъ ревнители грузинской церкви въ духѣ греко-православнаго ученія занимались передѣлками древнихъ грузинскихъ переводовъ, согласованіемъ ихъ съ греческими подлинниками, или совсѣмъ новыми переводами съ греческаго взазмѣнъ старыхъ переводовъ съ армянскаго. Попутно выясняется, что проводниками греческаго вліянія были, если не исключительно, то преимущественно учителя грузинской церкви, происходившіе изъ областей чанскаго первоначальнаго района. Вообще, апріорно казалось вѣроятнымъ, что греческое вліяніе въ восточную Грузію шло черезъ лазовъ и мингрельцевъ, т. е. чановъ и иверовъ, находившихся въ непосредственномъ общеніи съ Византіею, какъ мингрельцы-иверы, или даже входившихъ въ составъ ея, какъ лазы-чаны. Силою вещей приобщенные къ греческому языку съ одной стороны, а съ другой,—говорящіе на языкахъ, родственныхъ съ грузинскимъ, они естественно были наилучше подготовлены для такой миссіи, какъ распространеніе греческаго церковнаго вліянія въ Грузіи, въ частности — для переводовъ памятниковъ церковной литературы съ греческаго на грузинскій. И когда, дѣйствительно, въ древне-грузинскихъ текстахъ начинаютъ вскрываться чанизмы и иверизмы, то это апріорное вѣроятное соображеніе можетъ приобрести значеніе неизбежнаго факта. Конечно, при такомъ положеніи дѣла пришлось бы признать, что греко-византійское церковное вліяніе не могло развиваться въ Грузіи раньше обращенія самихъ чановъ-лазовъ въ христіанство, т. е. раньше VI-го вѣка, если, дѣйствительно, вѣрно, что до этого времени не было лазовъ-христіанъ въ достаточномъ числѣ, чтобы принимать участіе въ обращеніи своихъ сородичей съ востока.

Какъ ни разнообразны намѣченные вопросы, касающіеся Лазистана, они всѣ въ концѣ концовъ ищутъ опоры въ лазскомъ или, правильнѣе, чанскомъ языкѣ.

Чанскую рѣчь можно наблюдать и въ предѣлахъ Россіи, въ Батумской области, въ трехъ часахъ ѣзды на западъ отъ Батума¹⁾, у моря и выше, въ Мургульскомъ ущельѣ. Но этотъ лингвистическій районъ, да и пограничная

1) Въ самомъ Батумѣ также не мало лазовъ, но они — пришлые.

Турецкая полоса съ мѣстечкомъ Хопэ подверглись сильному вліянію грузинскому и мингрельскому. Значительно болѣе интересна западная часть Турецкаго Лазистана. Чанскій языкъ и здѣсь подвергся могущественному вліянію сначала греческаго языка, а въ позднѣйшее время турецкаго, но учесть элементы воздѣйствія чужеродныхъ языковъ, греческаго и турецкаго, гораздо легче, чѣмъ заимствованія изъ родственныхъ — грузинскаго и, особенно, мингрельскаго языковъ. Заимствованія изъ столь близко стоящихъ языковъ часто могутъ быть отгадываемы, какъ подлинныя явленія чанскаго языка.

Такимъ образомъ, основною задачею настоящей моей поѣздки въ Турецкій Лазистанъ было изученіе чанскаго языка, по возможности свободнаго отъ грузинскаго или мингрельскаго вліянія¹⁾.

Попутно съ изученіемъ языка я имѣлъ въ виду использовать пребываніе въ краѣ для археологическихъ и этнографическихъ наблюдений или, во всякомъ случаѣ, сдѣлать рядъ фотографическихъ снимковъ, которые должны были характеризовать край въ какомъ-либо отношеніи.

Я никакъ не могъ предположить, что наши занятія встрѣтятъ лишь одни подозрѣнія, и что за нами устроится и общественный, и полицейскій сыскъ. Намъ подозрѣвали въ томъ, что мы пріѣхали для снятія военно-топографическихъ плановъ, что мы переодѣтые военные лазутчики. Особенно сильно доставалось рослому моему спутнику студенту Н. Н. Тихонову. Когда ничего реальнаго добровольцы не могли предпринять, видя его богатырскую силу, они досаждали ему безконечными вопросами о цѣли путешествія, говорили прямо въ лицо, что не вѣрятъ, спрашивали вызывающе; когда же, наконецъ, мы уберемся, и дразнили, утверждая, что онъ не русскій, а еврей. Называть насъ обоихъ гяурами вслухъ стѣснялись немногіе.

Не помогало устраненію подозрительности то, что я велъ работы свои на виду у всѣхъ. Въ мою комнату въ любое время дня и ночи (былъ рамазанъ) входилъ каждый, какъ въ свою, каждый ложился на мою постель, рылся въ моихъ вещахъ, и я не протестовалъ. Я только требовалъ, чтобы ко мнѣ обращались на чанскомъ языкѣ, и я старался отвѣчать по-чански. Каждый считалъ своею обязанностью допрашивать меня о цѣли путешествія и рѣдко кто вѣрилъ, что я пріѣхалъ для изученія чанской рѣчи.

Выѣхать я собрался изъ Батума. Въ Батумѣ помощникъ военнаго губернатора П. П. Шубинскій совѣтовалъ мнѣ не ѣхать прямо въ Лазистанъ,

---

1) Лингвистическіе результаты поѣздки собраны въ печатающейся книжкѣ «Грамматика чанскаго (лазскаго) языка съ хрестоматією и словаремъ». («Матеріалы для яѣтическаго языковѣдѣнія», II).

расположенный въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Батума, а совершить путешествіе въ Константинополь или, во всякомъ случаѣ, въ Трапезундъ и заручиться рекомендательными бумагами отъ турецкихъ центральныхъ властей. Онъ же предупреждалъ меня не полагаться на значеніе курьерскаго паспорта, которымъ я былъ снабженъ.

Имѣя въ распоряженіи всего мѣсяцъ, я не могъ дѣлать такой крюкъ, какъ поѣздка въ Константинополь или хотя бы въ Трапезундъ, когда, послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды на фелюкѣ, я могъ начать свою работу надъ интересовавшимъ меня языкомъ. Еще весною о моей поѣздкѣ было сообщено въ Константинополь и въ Ризу, и я хотѣлъ надѣяться, что въ Атіинѣ власти предупреждены о пріѣздѣ русскаго ученаго.

Въ довершеніе моего смущенія полицеймейстеръ г. Батума сообщилъ мнѣ, что едва-ли мнѣ можно будетъ ѣхать въ Турцію изъ Батума безъ препятствій, такъ какъ меня задержать въ карантинѣ, объявленномъ турецкими властями для пріѣзжающихъ изъ Россіи. Это свѣдѣніе, оказавшееся потомъ совершенно фантастическимъ, повидному, удивило и помощника губернатора.

Начиная терять надежду на дѣйствительное содѣйствіе со стороны официальныхъ учреждений, я воспользовался услугами частныхъ лицъ. Судьба свела меня въ Батумѣ съ нѣкимъ грузиномъ, двадцать лѣтъ прожившимъ въ Турціи. Я съ нимъ встрѣчался въ Иверскомъ монастырѣ и въ Константинополѣ во время поѣздки на Аеонъ въ 1898-мъ году.

Черезъ него я познакомился съ лазомъ изъ Архавы и получилъ рекомендательное письмо къ Февзи-бею въ Атіинѣ, моему главному покровителю въ Лазістанѣ и лучшему, просвѣщенному учителю лазскаго языка (рис. 1).

Лазъ изъ Архавы бесѣдовалъ по-турецки и, повидному, стыдился знанія родной, чанской рѣчи. На мою просьбу дать мнѣ свѣдѣнія о лазскомъ (чанскомъ) по-лазски (по-чански), архавецъ отвѣчалъ уклончиво по-турецки: «*migrelâ bilürsün, bir dir: по-мигрельски знаешь? то же самое*». Впрочемъ, архавецъ успѣлъ мнѣ сообщить, что «за Атіною лазская (чанская) рѣчь лишь въ двухъ деревняхъ, а затѣмъ въ сторону Ризы лазская (чанская) рѣчь прекращается. Въ самой Ризѣ, конечно, встрѣчаются лазы, говорящіе по-лазски (чански), но они — пришлые».

«Въ глубь страны лазская (чанская) рѣчь распространяется лишь до

1. Февзи-бей.

яйль, лѣтнихъ кочевокъ: отъ прибрежныхъ поселеній, такъ, напр., отъ Атны въ глубину будетъ не болѣе трехъ-четырехъ часовъ ѣзды до крайняго пункта распространенія лазской (чанской) рѣчи. Въ Атнѣ сравнительно не столь чистая лазская (чанская) рѣчь; древнія преданія можно найти и чистую лазскую (чанскую) рѣчь наблюдать въ Архавѣ».

Все это сообщеніе архавскаго лаза или чана въ общемъ подтвердилось личными моими наблюденіями. Другія частныя лица въ Батумѣ, въ томъ числѣ товарищъ мой по гимназіи, Н. Эліава, чиновникъ Батумской Таможни, сообщили, что ни о какомъ карантинѣ не можетъ быть рѣчи, что я могу поспѣть на маленькій пароходъ, отъѣзжающій въ Хопз и другія лазскія мѣстечки. Не безъ нѣкотораго колебанія согласились дать мнѣ изъ Таможни бумагу, чтобы при возвращеніи пропущены были безошибочно тѣ аппараты и приспособленія, которыя я везъ изъ Россіи, поставивъ мнѣ, однако, условіемъ обратный вѣздъ непременно черезъ Батумъ.

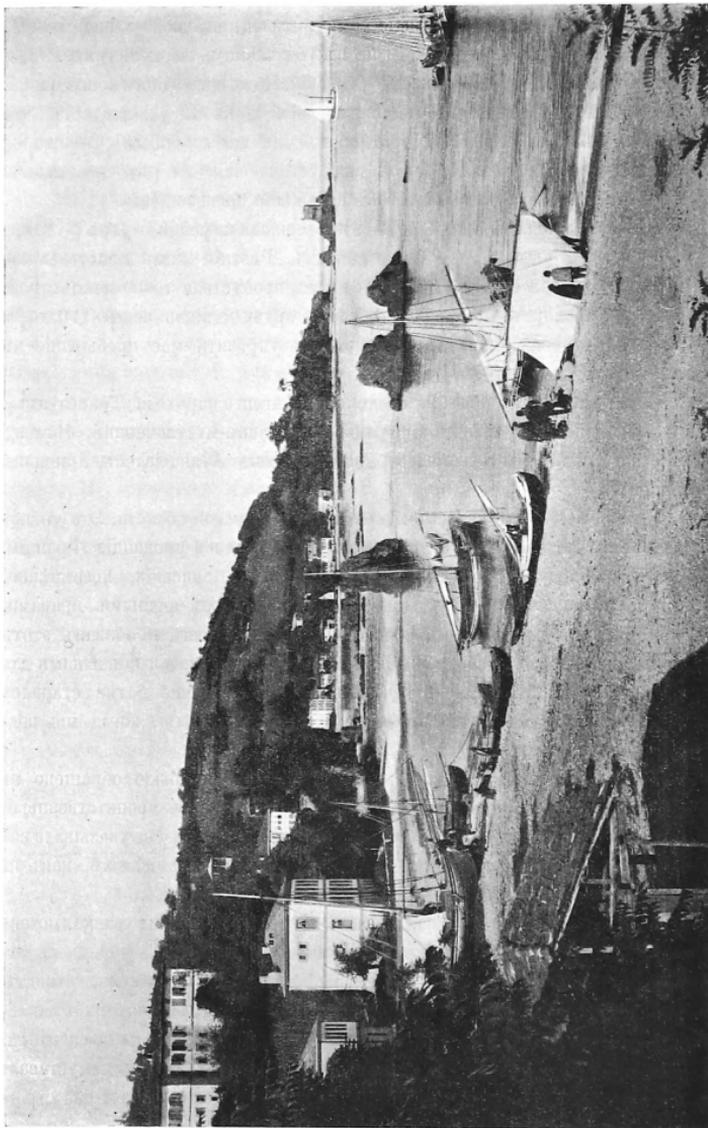
Послѣднимъ моимъ бесполезнымъ обращеніемъ къ официальнымъ учрежденіямъ была телеграмма нашему представителю въ Рязѣ, чтобы онъ сдѣлалъ шаги для облегченія моей высадки, съ фотографомъ и научными матеріалами, въ Атнѣ, крайнемъ на западѣ значительномъ пунктѣ съ лазами, говорящими по-чански.

Итакъ, оказался пароходъ, обслуживающій мѣстное береговое сообщеніе между Батумомъ и Трапезундомъ. Называется онъ «Трапезундъ». На немъ и выѣхали мы изъ Батума 31-го августа, въ 4 часа 15 м. по-полудни. Отказавшись отъ поѣздки на фелюкѣ¹⁾, мы лишились возможности провѣрить свѣдѣніе, сообщенное д-мъ княземъ Н. Ом. Эристовымъ, что въ верстѣ на западъ отъ устья Чороха находятся развалины города, и что это остатки Петры.

На пароходикѣ урывками слышна чанская рѣчь, но международнымъ языкомъ служить турецкій: пароходъ армянскій, капитанъ турокъ, также команда, въ буфетѣ одинъ армянинъ, другой турокъ. Въ числѣ пассажировъ нѣсколько грековъ и богатыхъ хемшиновъ. Хемшины говорятъ по-русски и занимаютъ меня характеристикою лазовъ въ довольно мрачныхъ чертахъ: особенно не щадятъ красокъ, чтобы ярко изобразить лазскую скудость. На пароходѣ съ капитаномъ управляющій армянинъ. Ему извѣстно про мои научныя работы, больше про раскопки въ Ани. Его энергичная рекомендація мѣстнымъ агентамъ парохода оказала мнѣ существенную помощь, особенно въ Архавѣ.

---

1) Старался точно передавать мѣстное произношеніе, я взамѣнъ болѣе привычной русскому слуху формы «фелюга» рѣшаюсь писать «фелюка».

2. Городецъ Агина.

Но меня интересуют взгляды самих лазов на свой родной языкъ.

Касательно чанскаго языка я на палубѣ слышу, что существуетъ три главныхъ говора: атинскій, архавскій и хопскій. По мнѣнію одного хопца, самая чистая рѣчь въ «Чхалѣ», но большинство собесѣдниковъ утверждаетъ, что чистѣйшая рѣчь въ Вицѣ. Про атинцевъ они же сообщили, что это — греки, выучившіеся чанскому, и въ ихъ устахъ чанская рѣчь искажилась. Они говорятъ, по всей видимости, объ искаженіи произношенія.

Ночью прибыли въ Атину, но насъ продержали на рейдѣ до утра 1-го сентября. Встрѣча была не изъ привѣтливыхъ. Ризскій нашъ представитель не отозвался. Меня съ Н. Н. Тихоновымъ пропустили точно сквозь строй. Курьерскій паспортъ отобрали и обратно вручили лишь черезъ 10 дней, когда частныя связи окончательно помогли упрочить мое пребываніе въ краѣ, какъ терпимое зло.

Остановился я въ кофейнѣ съ номерами агента парохода «Трапезундъ».

Здѣсь оказалась колонія эмигрантовъ: грузинъ-мусульманъ, бѣглець изъ Россіи Тевфик-бей Бежанисдзе, докторъ грекъ Атанасіадесъ, армянинъ фельдшеръ.

Тевфик-бей — изъ грузинъ-мусульманъ Батумской области. Это увѣковѣченный въ литературѣ типъ изъ известной южной провинціи Франціи. Политическіе подвиги Тевфик-бея въ его личномъ описаніи, несомнѣнно, могли бы произвести впечатлѣніе на незнакомаго съ южными нравами. Весьма вѣроятно, что своимъ собственнымъ разсказамъ и обязанъ этотъ смѣлый герой своею судьбою: онъ, по его словамъ, признанъ опаснымъ для Россіи дѣятелемъ. Намъ лично Тевфик-бей оказалъ и еще болѣе старался оказать посильное содѣйствіе въ первыя трудныя минуты, когда мы водворились въ Атину.

Не само рекомендательное письмо, а то, что оно было обращено къ Февзи-бею, обезпечило мнѣ возможность сравнительно безпрепятственныхъ занятій чанскимъ языкомъ на мѣстѣ. Впрочемъ, на Февзи-бея указывали всѣ лазы, съ кѣмъ ни приходилось мнѣ говорить о своихъ дѣлахъ, какъ на единственное лицо, способное помочь въ моихъ изысканіяхъ.

Мать Февзи-бея или Тилатур-задѣ Февзи-эфенди — грузинка, но онъ знаетъ лишь по-турецки и по-чански. У него врожденный интересъ къ филологическимъ занятіямъ, я бы сказалъ, здоровый лингвистическій инстинктъ. У него оказалась своя теорія о происхожденіи географическихъ названій Лазистана. Самостоятельно онъ открылъ законъ о переборѣ въ лазскомъ или чанскомъ *ç* въ *ç̣*. Съ ранняго утра до поздней ночи Февзи-бей не уставалъ заниматься со мною. Дня черезъ два наступилъ рамазанъ. Февзи-бей строго

соблюдалъ этотъ постъ, но неуклонно продолжалъ проводить со мною въ занятіяхъ долгіе часы, спакая меня свѣдѣніями по чанской грамматикѣ и матеріалами для чанскаго словаря. Попутно онъ же освѣдомлялъ меня о различныхъ сторонахъ жизни лазовъ. Въ перерывахъ я продолжалъ занятія съ случайными гостями, охотно и свободно входившими въ мою комнату, чтобы слѣдить за тѣмъ, что я дѣлаю.

Въ числѣ такихъ случайныхъ учителей чанскаго языка въ нѣсколько пріемовъ опрашивался мною Шевки Джарах-оглы, лакей кофейни, 25-ти лѣтъ, бывавшій лишь въ Ризѣ; Шевки рекомендовался кореннымъ атинцемъ, но вскорѣ выяснилось, что онъ происходитъ изъ ближняго селенія Шеленга, не пользующагося хорошею репутаціею.

Спеціально былъ приглашенъ мною простой лазъ, лодочникъ, величавшій себя капитаномъ Али или Али-реизомъ. Онъ происходитъ изъ Булепа, близъ Атины, 37 лѣтъ, занимается своимъ дѣломъ между Атиною и Батумомъ. Съ нимъ я больше практиковался въ разговорахъ по чанскому языку. Для наблюденій спеціально по булепскому подгѣвору мнѣ давали матеріалъ Шукри-эфенди, Балга-заде, 46 лѣтъ, изъ Булепа, хозяинъ кофейни, и мальчикъ 12-и лѣтъ оттуда же — Кемаль Балга-заде Ибраим-эфенди. Черезъ 10 дней я уже могъ изъясняться на чанскомъ языкѣ и опрашивать лазовъ на родной ихъ рѣчи. Тотчасъ же рѣшено было пѣшкомъ отправиться въ глубь Лазистана по Атинскому ущелью.

11-го сентября совершилъ я эту экскурсію съ Н. Н. Тихоновымъ, въ сопровожденіи проводника Али-реиза. Али-реизъ — строгій мусульманинъ. Не смотря на путешествіе, для него оказавшееся труднымъ, онъ выполнялъ въ точности всѣ обрядовыя требованія добраго послѣдователя ислама, не позволявъ себѣ ни разу прикоснуться даже къ водѣ за цѣлый день. Въ то же время онъ чрезвычайно свободомыслящъ въ политическихъ вопросахъ. Если судить по его словамъ, Турція — не монархія, а республика. На Россію онъ смотритъ свысока, какъ на отставшую страну. «У насъ въ Турціи свобода», спокойно увѣрялъ меня Али-реизъ; «мы кого увидимъ хорошаго и умнаго, того и поставимъ въ Стамбулѣ править нами». Ему и соціальныя вопросы представляются въ первобытной простотѣ. «Здѣсь каждый работникъ имѣетъ собственность», поучалъ Али-реизъ, «владеетъ землею, а въ Россіи земли много, но она вся принадлежитъ немногимъ вельможамъ». О русскихъ не имѣетъ никакого представленія. Его земляковъ въ Одессѣ дразнили возгласами «сис! сис!», очевидно, по-гречески (σῦς — *свинья*), и онъ упорно твердитъ, что это — русское слово, что русскіе такъ обижаютъ мусульманъ. Изъ русскаго языка Али-реизъ знаетъ лишь ругательства, кото-

рыми охотно пересыпает свою чанскую рѣчь, принимая ихъ по невѣжеству за невинныя восклицанія или междометя.

Путь нашъ лежалъ по лѣвому берегу рѣки Атинны, куда мы перебрались изъ города у самаго устья по парѣ балокъ, служащихъ мостомъ. То мы нагоняли живописныя группы, возвращавшіяся съ рынка съ покупками, то онѣ насъ догоняли. Первая же попытка снять одну изъ этихъ группъ энергично была остановлена нашимъ проводникомъ Али-реизомъ: «спрячьте инструментъ! Иначе будетъ нехорошо. Такъ вы вѣдь и женщины можете снять незамѣтно!»

3. Лазы Атинскаго ущелья.
Али-реизъ (справа).

Скоро мы поравнялись съ кофейною, у дверей которой сдѣлали привалъ (рис. 3). Хозяинъ кофейни грекъ. Точно почуяли въ воздухѣ: отовсюду стали сбѣгаться лазы, молодые и старцы. Пошли безконечныя допросы. Заинтересовался и упитанный, толстый - претолстый хемшинъ въ европейскомъ костюмѣ съ фескою

къ, ѣхавшій на родину изъ дальней страны. Хемшипъ этотъ имѣетъ пекарню или мучное дѣло въ Ревелѣ. Онъ слѣзъ съ лошади, перегруженной багажемъ, и, усѣвшись на почтительно поданный хозяиномъ стулъ, повелъ на русскомъ языкѣ . . . опять таки допросъ. Чанскаго онъ не зналъ.

Продолжая выше путь, мы свернули налѣво — на юго-востокъ, по правому берегу Мелескурской рѣчки (მელესკურ წვიბი).

Ночевали въ селѣ Ламго у сестры Алпреиза. Село расположено въ Мелескурскомъ ущельѣ, на правомъ берегу рѣчки Мелескуръ, впадающей справа въ Атину.

Хозяиномъ дома оказался бойкій мальчикъ, 10-ти лѣтъ, по имени Серветъ (рис. 4). Отецъ его умеръ въ Россіи. Онъ былъ пекаремъ, нанятымъ хемшиномъ. Серветъ послѣ первыхъ же вопросовъ по-чански предложилъ взамѣлъ своихъ поясненій по чанскому языку дать ему урокъ по русскому языку, при чемъ перечислилъ рядъ необходимыхъ предметовъ и спросилъ, какъ ихъ зовутъ по-русски. Мальчикъ живо усваивалъ русскія слова. Десятилѣтній Серветъ грамотный, читаетъ

4. Серветъ, хозяинъ дома (слѣва). Османъ, сынъ ходжи (справа).

и пишет по-турецки. Хозяйство у него въ полномъ порядкѣ. Работаютъ женщины, мать и тетка, онъ же, какъ истый лазъ, наблюдаетъ. Изъ любви къ искусству онъ занимается охотно пчелами, улья коихъ помѣщены на красивыхъ, статныхъ буковыхъ деревьяхъ высоко, высоко, почти у ихъ вершины.

Какъ подобаетъ въ рамазанъ, насъ угощаютъ съ закатомъ солнца: вмѣсто хлѣба — кукурузный чурекъ; подаютъ ячницу, рыбу хамсу, пыленка. Каждое блюдо подается въ общей мискѣ, откуда куски достаются пальцами. Передъ трапезою и послѣ трапезы обязательно омываются руки. Чистота во всемъ необычайная. Постельное бѣлье безукоризненной бѣлизны.

Вечеромъ мы идемъ въ кофейню, вверхъ по крутому склону, извилистою, узкою тропою, которую освѣщаетъ юркій Серветъ фонаремъ. Хозяинъ кофейни — старикъ, нажившій деньги на Дунаѣ въ одну ночь убійствомъ. Онъ сопровождалъ нѣкогда англичанъ, составившихъ ботаническія коллекціи въ Лазистанѣ. Онъ помнитъ и русскаго «Чеачева», очевидно, П. А. Чихачева, автора «*Asie Mineure. Description physique*» (Paris. 1866¹⁾).

Студентъ Н. Н. Тихоновъ нашель собесѣдника въ хемшинѣ, прекрасно говорящемъ по-русски. Онъ двадцать семь лѣтъ прожилъ въ Кіевѣ, женатъ на русской. Проводникъ нашъ повелъ чанскую рѣчь, пересыпанную турецкими словами и цѣлыми фразами, о садахъ съ яблоками, грузахъ и торговлѣ: его слушаютъ мѣстные лазы и случайный гость турокъ. Кафеджигурокъ угощаетъ турецкимъ кофе и чаемъ всю компанію на нашъ счетъ. Входитъ партія курдовъ, занимающихся здѣсь пошеніемъ выюковъ. Видъ ихъ свирѣпый. Я стараюсь бесѣдовать по-чански съ хозяиномъ кофейни, больше слушая прикрашенные рассказы о подвигахъ его молодости, пока утомленный видъ Сервета не заставляетъ насъ подумать о возвращеніи на ночлегъ въ его домъ.

Ночью, за часть-другой передъ восходомъ солнца, насъ поднимаютъ и угощаютъ трапезою: по-чански это называется *mosela*.

Утромъ изъ Ламфо Серветъ ведетъ насъ къ развалинамъ крѣпости на вершинѣ горы, на противоположномъ берегу Мелескура. Серветъ на помощь вызываетъ подъ самой крѣпостью сына мѣстнаго ходжи, мальчика

---

1) Этотъ же Чихачевъ далъ матеріалы для *P. v. Tschichatscheff's Reisen in Kleinasien und Armenien 1847—1863*. Itinerare, redigirt und mit einer neuen Construction der Karte von Kleinasien begleitet von H. Kiepert (Ergänzungsheft № 20 zu Petermann's «Geographischen Mittheilungen», Gotha. 1867). Русскій переводъ Н. Гельмерсена см. «Извѣстія Кавказскаго отдѣла Имп. Русск. Географ. Общества», т. IV, приложение: «Матеріалы для географіи Азіатской Турціи», стр. 1—79.

Османа, знакомаго съ тропинкою въ крѣпость: здѣсь и сняты они (рис. 4). Названія крѣпости не знаютъ. Ее называютъ просто Джиха (ჯიჴა დიქა), что по-чански значить крѣпость. Развалины ея заросли деревьями, кругомъ лѣсъ.

Стѣны крѣпости грубой кладки, безъ облицовки тесаными камнями. Сохранились двери, собственно ихъ пролеты. Внутри — остатки какой-то постройки, мѣстные утверждаютъ, бани; внутри же — развалины еще какого-то сооруженія, которыя успѣли зарости высокими деревьями. У верхнихъ угловъ одной двери, обрамленной двумя башнями, сквозныя круглыя отверстія, діаметромъ около 0 м., 08.

Изъ крѣпости (ჯიჴა დიქა) спускъ внизъ въ Баш-кой, крайній южный предѣлъ чанской рѣчи въ Атинскомъ ущельѣ. Выше Баш-коя предѣлы хемшиновъ. Въ половинѣ 8-го мы тронулись изъ крѣпости и въ четверть 9-го были въ баш-койской кофейнѣ. Въ Баш-коѣ мечеть со школой. Въ числѣ мѣстныхъ типовъ наше вниманіе обратилъ на себя создатель Хусейнъ Калафаджи-оглы, 21-го года, изъ Джигетура. Онъ назвался крымскимъ татаринномъ. Прекрасно говоритъ по-русски и привѣтливъ къ намъ, точно родныхъ увидѣлъ. Однако, и этотъ «крымскій татаринъ» оказался лазомъ по происхожденію: отецъ его былъ нѣкій Топал-оглы изъ Лазистана. Молодой Хусейнъ въ Крыму подучился живописи, теперь пишетъ вывѣски для атинскихъ лавокъ и хемшины, улачиваетъ черезъ шесть мѣсяцевъ по сдѣлкѣ Лазистанѣ и выше въ горахъ — у хемшиновъ.

Такъ, въ тиши временъ, при другихъ историческихъ условіяхъ, лазскіе мастера могли переносить малоазійскіе культурные навыки на сѣверное побережье Чернаго моря. Для меня этотъ лазъ изъ «крымскихъ татаръ» оказался мало-интереснымъ, такъ какъ родной чанскій языкъ ему почти чуждъ.

Изъ Баш-коя путь вверхъ до Калэ, оттуда — въ Испиръ, затѣмъ хорошая аробная дорога въ Эрзерумъ. По этой дорогѣ пригоняютъ коровъ и быковъ изъ окрестностей Эрзерума въ Атину, откуда вывозятъ для продажи. За забранный въ Эрзерумскомъ вилайетѣ живой товаръ гуртовщики, лавы и хемшины, улачиваютъ черезъ шесть мѣсяцевъ по сдѣлкѣ.

На обратномъ пути пришлось перейти съ лѣваго на правый берегъ Атины по живописному мѣсту, обросшему роскошнымъ плющемъ, въ Аисо-кѳприси. Мосты обыкновенно каменные, въ одну арку. Ниже, у источника села Цишко, на правомъ берегу Атины, намъ повстрѣчался парень съ корзиною, плетеною, какъ мнѣ казалось, по-русски, но на самомъ дѣлѣ мѣстнымъ издѣліемъ европейскаго образца.

12-е сентября мы думали посвятить ознакомленію съ селами, расположенными между Аѳиною и Вицѣ. Въ 6 часовъ были на ногахъ. Погода пугала нашего капитана Али, чтобы выступить моремъ. Лошадей не могли достать, чтобы ѣхать верхомъ. Извозомъ на лошадяхъ занимаются «мо-наджирѣ», переселенцы, грузины-мусульмане изъ Батумской области, оствѣшие въ Эски-Трапезонѣ. Эски-Трапезонъ у устья 'р. Фортуны цѣликомъ принадлежитъ имъ. Въ Аѳинѣ оказался одинъ изъ этихъ грузинъ-мусульманъ, но съ нимъ были двѣ лошади, за третью же надо было съѣздить въ Эски-Трапезонъ; съ лошади — три рубля до Вицѣ. Однако, погода прояснилась, и послѣ долгаго томительнаго ожиданія показалась наша фелюка: ею управлялъ Махмудъ, имѣя подручными разговорчиваго сангвинника Максуда и молчаливаго флегматика Хусейна: всѣ трое лазы изъ с. Булеѣа, какъ и мой проводникъ Али-рензъ. Живо перенесли наши вещи съ фотографическими принадлежностями въ фелюку, перенесли лазы на спинахъ и насъ, меня, студента Н. Н. Тихонова и Али-ренза.

Въ 11 ч. 40 м. мы выступили въ путь; до ближайшаго мыса гребли, за мысомъ распустили парусъ. Въ началѣ мы поѣхали было сносно, — обгоняли пѣшеходовъ. Вдоль берега бѣжить дорога. По ней было довольно оживленное движеніе, хотя день не базарный: одни шли и ѣхали изъ Аѳины съ покупками, другіе направлялись туда по такимъ же или инымъ дѣламъ.

Случайно у самой Аѳины, еще передъ мысомъ, показалась кавалькада изъ дамъ, ѣхавшихъ въ черныхъ чадрахъ подъ зонтами. Не смотря на извѣстную даль (дорога здѣсь проходитъ не по берегу), дамы, замѣтивъ фелюку съ пассажирами, успѣли закрыть лица. Это была семья вицскаго мудира.

За мысомъ степенно выступалъ лазъ въ европейскомъ костюмѣ, съ красною фескою на головѣ. Безъ всякой поклажи, онъ, тѣмъ не менѣе, страдалъ отъ жары и медленно обтиралъ чистымъ бѣлымъ платкомъ съ шеи катившійся съ лица и головы потъ. За нимъ слуга несъ тяжелую ношу покупокъ, — повидимому, провизіи, въ мягкой плетеной корзинѣ европейскаго образца. Съ нашей фелюки имъ предупредительно былъ отданъ привѣтъ; господинъ въ европейскомъ костюмѣ далъ порученіе моему собесѣднику зычнымъ голосомъ, заглушавшимъ шумъ прибоа. «Знаете-ли вы, кто это?» «Онъ — прекрасный человекъ (ოფის ჯგერის ჯგერის ანა), не дожидаясь моего отвѣта, продолжалъ одинъ изъ сидѣвшихъ въ фелюкѣ. Я такъ и думалъ, что за этимъ послѣдуетъ характеристика: «онъ очень богатъ, ему принадлежитъ столько-то земли, столько-то лавокъ, и у него столько-то денегъ».

Ждалъ я такого разъясненія по опыту: когда въ Атинѣ рекомендовали кого-либо хорошимъ, мнѣ приводили лишь подобныя основанія порядочности человека. Но здѣсь мой собесѣдникъ сказалъ: «Прекрасный онъ человекъ! Шесть человекъ убито имъ собственноручно». — На войнѣ? спросилъ я, дѣлая видъ, что не понимаю. Собесѣдникъ усмѣхнулся наивности вопроса и ограничился отвѣтомъ: «нѣтъ, не на войнѣ! . . .» Названа была фамилія: она извѣстная.

Вскорѣ, именно черезъ 20 м., мы поровнялись съ Нижнимъ Булейомъ у рѣчки Булейа. Агентъ парохода «Трапезундъ» — хозяинъ кофейни, въ которой мы проживали, Шуѣри-эфенди Балта-задэ, съ берега прощался съ нами: своего рода богатые рантье, дворянской, какъ мнѣ говорили, фамиліи; члены ея живутъ здѣсь у себя ближе къ лону природы, странствуя въ городъ лишь по дѣламъ.

Проѣхали рѣчку Боду, по-чански на атинскомъ говорѣ Бода-йари (ბოდა-ყარი).

Миновавъ Эски-Трапезонъ, мы поровнялись съ устьемъ рѣки Фортуну отъ четырехъ рукавахъ. При впаденіи рѣчной воды море сильно волновалось, и насъ заливало водою.

У устья Фортуну и особенно за нимъ мы видѣли цѣлый рядъ сѣтей, разставленныхъ для ловли ястребовъ (საჭაღბო).

5. Аслан-Бей.

Въ 2½ часа мы были у Арташена, лихорадочнаго мѣста.

Въ Вицѣ приемъ радушный, послѣ Атины неожиданный. Здѣсь гнѣздо беговъ, въ той или иной степени находящихся въ родствѣ съ родовитыми домами грузинъ-мусульманъ. Вахид-бей, къ кому у меня рекомендательное письмо, боленъ: онъ захватилъ лихорадку въ Арташенѣ и лежитъ въ жару безпомощно; никакого лекарства, никакой на мѣстѣ медицинской помощи. Приходится помочь изъ скудной моей дорожной аптечки. Аслан-Бей, братъ

Вахида, когда-то учительствовалъ, былъ учителемъ средне-учебнаго заведенія въ Трапезундѣ въ продолженіе 10 лѣтъ, преподавалъ математику.

Сейчасъ, по его разсказу, составляетъ книги по счетоводству. Но производить впечатлѣніе человѣка, тоскующаго отъ бездѣлья; всячески стараетсяъ содѣйствовать моимъ работамъ, но тяготеетъ трудомъ; продолжительные разспросы ему въ страшную тягость. Больше по привычкѣ онъ носится съ охотничьимъ ястребомъ (рис. 5).

Беги эти чрезвычайно апатичны, и цѣлые дни проводятъ въ томительномъ бездѣлїи, быть можетъ, теперь только — въ рамазанъ.

Совершенная противоположность молодой Кязим-бей (рис. 6): живой, какъ ртуть, огонь темпераментомъ. Учился, но не вынесъ школьнаго режима въ Трапезундѣ. «Жалѣю, конечно, что не дошелъ до конца, вотъ мой братъ — образованный офицеръ; впрочемъ, — что по существу могла бы мнѣ дать турецкая школа? Ничего для ума! Другое дѣло въ Россїи. Тамъ наука учатъ. Тамъ такому молодцу изъ хорошаго дома, если еще образованіе имѣть, первое почетное мѣсто. Да, что мѣсто? Тамъ люди хорошіе, понимаютъ васъ, вашу душу понимаютъ, сердце цѣнятъ. Тамъ ученые, оттуда прїѣзжаютъ къ намъ, вотъ вы прїѣхали насъ изучать, а развѣ лазъ или хотя бы турокъ ѣздилъ когда-либо изучать въ Россїю русскихъ»... Кязим-бей проникнуть искреннимъ чувствомъ уваженія къ русскимъ, что и не скрываетъ: разговоры его на эту тему въ присутствїи толпы ставили меня въ неловкое положеніе, когда онъ рѣзко и открыто исповѣдывалъ свои политическіе взгляды. Полиція здѣсь тише воды, ниже травы. Пришелъ какъ-то допрашивать городовою и просилъ было показать паспортъ, но затѣмъ скрылся, когда пришли другіе. Старотурокъ изъ лазовъ сталъ намекать на мою будто бы тайную миссію, и когда я отпарировалъ его вопросы, присутствовавшіе лазы отъ души смѣялись надъ неудачею добровольнаго сыщика. А вскорѣ затѣмъ на улицѣ послышались крики, лавочники и покупатели бѣжали гурьбою поглазѣть на скандалъ: это молодой Кязим-бей расправлялся собственноручно съ лицами, позволявшими себѣ вмѣшиваться безцеремонно въ мои занятія.

6. Кязим-бей.

Встрѣтили цыганскій таборъ — изъ черныхъ палатокъ. Далѣе вступили въ предѣлы с. Абу-Уля, поднявшись съ послѣдняго привала въ 11 ч. 45, и въ первомъ часу были въ центрѣ названнаго села, у третьей бесѣдки «мошваджиннон». Съ одной стороны школа, съ другой — мечеть. Въ школѣ дѣвочки и мальчики учатся вмѣстѣ. Въ бесѣдкѣ общество молодыхъ и старцевъ. Молодые сочувственно насъ встрѣчаютъ и на нашъ вопросъ, разрѣшать ли сфотографировать дѣтей всѣхъ вмѣстѣ у школы, отвѣчаютъ: «конечно!» Но муллы не разрѣшаютъ. Молодые сконфужены. Одинъ изъ нихъ, студентъ Константинопольскаго университета Ахмедъ Хамди, приглашаетъ къ себѣ въ домъ. Мы первый разъ въ настоящемъ, старинномъ лазскомъ домѣ. Студентъ стѣняется, что комната украшена старою лазскою рѣзбою, а не отдѣлана по-европейски. Онъ горячо говоритъ про патриотическую политику «обновленной Турціи», но исключительно по-турецки: чанскаго онъ не знаетъ пли черезчуръ въ немъ слабъ. Поблагодаривъ за гостепримство, мы возвращаемся пройденнымъ путемъ домой.

19-го сентября, въ 9 ч. 55 утра, мы изъ Вицѣ выѣхали въ Архаву или Аркабъ на фелюкѣ рейса Юсуфа. Еще наканунѣ я справлялся о цѣнахъ, и хозяинъ нашей кофейни мнѣ сообщилъ, что фелюка отъ Вицѣ до Аркаба стоитъ 2 р., не болѣе. Самъ Юсуфъ еще раньше на такой же вопросъ отвѣтилъ неопредѣленно: «всего два-три рубля». Когда я замѣтилъ, что «три рубля — не слишкомъ ли много», Юсуфъ улыбулся и уклончиво замѣтилъ: «завтра поговоримъ». Утромъ, вмѣсто прямого отвѣта, Юсуфъ сталъ перечислять трудности пути: ему нужны три гребца, онъ долженъ заплатитъ комманданту и въ Вицѣ, и въ Аркабѣ въ общей сложности рубль и т. д., и т. д. Я нѣсколько разъ прерывалъ его, прося не занимать меня лишними разговорами и прямо назвать сумму съ тѣмъ, чтобы везъ насъ однихъ съ вещами въ Аркабъ. Юсуфъ нерышительно посматривалъ то на хозяина кофейни, то на воздухъ и, наконецъ, соблаговолилъ отвѣтитъ: «четыре рубля, фелюка твоя, мои люди къ твоимъ услугамъ!» Тѣмъ не менѣе, когда стали садиться, мы оказались частью пассажировъ, которые собирались расположиться, какъ у себя дома, на тѣсной палубѣ кормы. Сначала хозяинъ кофейни предупредилъ, что со мною поѣдетъ его старшій братъ. Затѣмъ посадили къ намъ дѣвочку 8 лѣтъ, всю покрытую коростю и подозрительными ранами; при ней находилась дѣвушка лѣтъ 12—13, покрывавшая себя, но не всегда, чадру изъ тонкой желтоватой матеріи, босоногая. Подсѣли къ намъ и словоохотливый старикъ до Аркаба, еще два лаза изъ Сумлы, одинъ очень вѣжливый, болѣзненный, на глазахъ у всѣхъ нарушавшій рамазанъ (угощался не совсѣмъ зрѣлымъ бѣлымъ виноградомъ), другой — молодой, съ

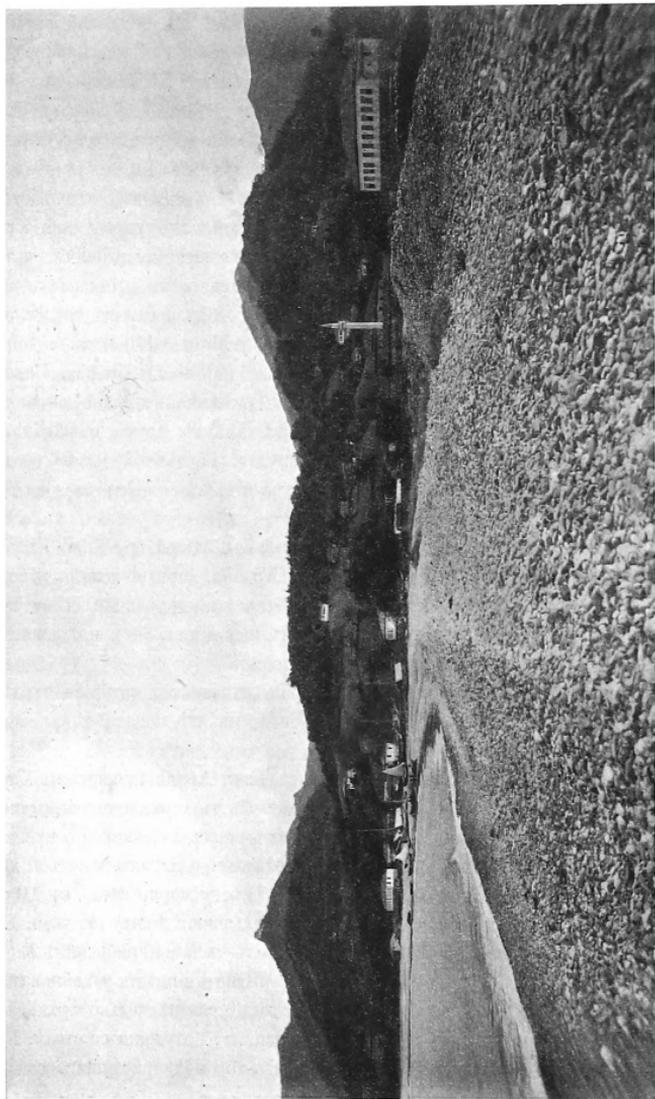
ослапительно бѣлыми зубами и выхоленными усамн, въ щегольски обмотанномъ вокругъ головы по-лазски башлыкѣ. Не успѣли отъѣхать отъ Вицѣ, какъ приняли еще мальчика 12 лѣтъ. Были еще охотники ѣхать на нашей фелюкѣ, но я уже не вытерпѣлъ и громко запротестовалъ. Однако, успѣлъ къ намъ подѣсть еще одинъ пассажиръ: подскочилъ подъ конецъ хопскій лазъ, городской въ Хопѣ, развязный, циничный, испортившій мнѣ весь переѣздъ, такъ какъ въ его присутствіи не было возможности практиковаться въ чанскомъ, приходилось лишь слушать: о чемъ бы ни заговорить, представитель хопской полицейской власти все сводилъ къ разговорамъ о батумскихъ красавицахъ изъ трактировъ... Мимоходомъ онъ заигрывалъ съ 13-ти лѣтней дѣвушкой, приставалъ съ циничными стихами или намеками къ сидѣвшему рядомъ мальчику 12-ти лѣтъ.

Нѣкоторые изъ непредвидѣнныхъ пассажировъ, въ томъ числѣ хопскій городской, посажены были за весла. Паруса болтались безъ дѣла за отсутствіемъ вѣтра, но мы ѣхали довольно быстро: было пять гребцовъ. Въ 10 ч. 45 м. мы поровнялись съ лазскимъ селомъ Тороц-и: небольшая деревушка, всего въ десять домовъ, у самаго берега. Противъ нея—стоянка для судовъ, «безопасный лиманъ въ самую бурную погоду», если вѣрить моимъ спутникамъ, хотя кругомъ не видно очертаній бухты.

Въ 11 ч. 10 м. мы подѣхали къ Сумлѣ. Пассажиры стали высаживаться съ рискомъ угодить въ воду; лазъ съ выхоленными усамн вымокъ въ морѣ по колѣна и весело побѣжалъ по направленію къ расположенной у берега кофейнѣ, потряхивая ногами и брызгая набранною водою, точно собачка, выгѣзшая изъ пруда.

Въ 12 ч. 25 м. показалось село Моцхоръ: мы проѣзжали уже мимо, и не прошло часа, какъ поравнялись съ рѣчкой, точнѣе ручейкомъ, протекающимъ на границѣ между Вицѣ и Аркабомъ.

Въ 2 ч. 15 м. мы стали приближаться къ Аркабу (рис. 8). Не доѣзжая, съ запада по правую руку показался высокій домъ, повидимому, кофейня, расположенная близко къ морю. Далѣе устье рѣчки; ее почти не замѣтно, однако проѣздъ мимо нея чувствителенъ: нашу фелюку подбрасываетъ, какъ мячикъ, волнами, которыя всегда усиливаются у впаденія рѣкъ и рѣчекъ. Аркабъ расположенъ, сравнительно съ Вицѣ и Аѣиной, дальше отъ моря. Можетъ быть, это бросается еще больше въ глаза отъ того, что ряды лавокъ («нога») вытянулись не вдоль морского берега, а перпендикулярно къ нему. У берега сейчасъ нѣсколько парусныхъ судовъ. Бросаемъ якорь: одинъ изъ гребцовъ, выскочившій на берегъ, тянетъ фелюку къ сушѣ, и насъ высаживаетъ на спинѣ капитанъ ея, стоя въ водѣ по колѣна. Онъ же

8. Гороховъ Аркабъ (Архана).

достаётъ вещь, но несутъ ихъ мѣстные носильщики. Въ арѣабской кофейнѣ чувствуется значительно иначе, чѣмъ въ Атінѣ и даже въ Вицѣ: прекрасная свѣтлая комната, чисто содержится; люди пріятливы. Къ моимъ занятіямъ чанскимъ языкомъ относятся съ меньшимъ недоумѣніемъ и во всякомъ случаѣ безъ тѣни подозрительности или вражды. Мѣстный дѣятель, къ которому у меня рекомендательное письмо отъ Аслан-бея изъ Вицѣ, предупредителенъ и общается всякое содѣйствіе, не раскрывая еще письма. Онъ, оказывается, агентъ нарохода «Трапезундъ», знаетъ меня по пароходу, управляющій котораго рекомендовалъ меня его вниманію. Онъ созываетъ лучшихъ знатоковъ мѣстной чанской рѣчи. Независимо, съ большею охотою помогаетъ мнѣ въ работахъ по арѣабскому или архавскому подговору вицѣскаго говора западнаго нарѣчія Шевки-ефенди Сохта-задѣ, онъ же Мемедъ Шефики, студентъ Константинопольскаго университета; происходитъ онъ изъ «каріе» Галатѣ «мелѣ» Паріантѣ. На вопросъ мой, какъ онъ сумѣлъ такъ хорошо сохранить знаніе родной рѣчи, десять лѣтъ пробывъ въ Стамбулѣ, хотя и съ вакаціонными перерывами, г. Шевки мнѣ отвѣтилъ: «лазскій (чанскій) языкъ не забывается. Въ Стамбулѣ насъ, лазовъ, много, и другъ съ другомъ мы бесѣдуемъ всегда и тамъ по-лазски (чански)».

Чанскій языкъ, однако, забывается: хозяинъ нашей кофейни, Хаджи Шахин-задѣ Хамди-бей, истый лазъ изъ Арѣаба, предпочитаетъ бесѣдовать и свободнѣе говорить по-турецки и даже по-грузински, чѣмъ по-чански. Интересно, что грузинскій языкъ онъ называетъ «чурук-суйскимъ» (ჭურჭლ-სუისკი).

Въ Архавѣ я ограничился провѣркой діалектическихъ матеріаловъ, собранныхъ и провѣренныхъ въ Атінѣ и Вицѣ, на чтѣ понадобилось всего два дня.

20-го сентября, въ 9 ч. 30 м., я выѣхалъ изъ Архавы моремъ въ Хопѣ на фелюкѣ. Черезъ четверть часа мы поровнялись съ двумя пещерами («магаре») наверху, въ отвѣсной скалѣ: по словамъ моихъ лодочниковъ, каждая изъ нихъ длиною въ 25 сажень. Хозяинъ фелюки предлагалъ напитокъ хорошей воды изъ холоднаго родника на самомъ берегу моря, когда въ 10 ч. 35 м. мы оглябали его на фелюкѣ, ловко проскальзывая между скалами. Въ 11 ч. была оставлена въ сторонѣ Киса. Черезъ полъ-часа мы прибыли въ Хопѣ или Хопу (сами лазы здѣсь называютъ «Хопа»). Опять допросъ у каймакама. Онъ изъ грековъ-мусульманъ; говорить по-французски нѣсколько фразъ, но не понимаетъ. Допрашиваетъ меня самъ каймакамъ, полулежа на столѣ. На мѣстѣ каймакама сидитъ мулла и пишетъ что-то, полуприслушиваясь къ моимъ отвѣтамъ.

Студентъ Н. Н. Тихоновъ изъ Архавы въ Хопэ приходитъ пѣшкомъ. Дорога сухимъ путемъ трудная, но вознаграждаютъ великолѣпные виды. Надъ дорогой господствуетъ, умѣстившись на вершинѣ высокой горы, какъ будто крѣпость обычнаго здѣсь типа: по словамъ проводника, это — развалины церкви. Вершина съ этими развалинами, какъ почти вся гора, видна изъ Хопэ. Появленіе русскаго при встрѣчѣ производило ошеломляющее впечатлѣніе. Вообще уголокъ этотъ считается настолько укромнымъ, что въ эти дни рамазана мусульмане позволяли себѣ курить и пить въ полной увѣренности, что никто ихъ не замѣчаетъ. Н. Н. Тихоновъ засталъ врасплохъ у родника двухъ муллъ, послѣдившихъ упрятать остатки початыхъ випоградныхъ гроздей.

Въ учителя ко мнѣ напросился сначала очень смѣшленный лазъ, потомъ оказавшійся служащимъ и мною интересовавшійся въ иныхъ цѣляхъ... Вѣрнымъ и внимательнымъ моимъ руководителемъ по хопскому говору былъ Али-эфенди, полностью Хаджи-Карал-оглы Али-эфенди; въ хопскомъ околоткѣ онъ бывалъ вездѣ, часто ѣздитъ по дѣламъ въ Батумъ, но сейчасъ располагаетъ невольнымъ досугомъ, потерпѣвъ отъ пожара, уничтожившаго его лавку. Впрочемъ, независимо отъ Али-эфенди, комната моя все время была полна лазовъ, охотно откликавшихся на мои вопросы.

Въ Хопэ я поработалъ около недѣли. Выполнивъ свою программу, я выѣхалъ 26-го сентября въ Батумъ на пароходикѣ «Трапезундъ».

Въ Вицѣ и Архавѣ, а также въ Хопэ, гдѣ городское населеніе, да, повидному, и сельское отличается болѣею терпимостью и въ значительной мѣрѣ либерально, за каждымъ нашимъ шагомъ слѣдила турецкая полиція.

Въ Архавѣ также, впрочемъ, появился доброволецъ-старикъ, съ палкою набросившійся на симпатичнаго парня, согласившагося показать развалины «генуезской» крѣпости Н. Н. Тихонову для сфотографирования. Молодой лазъ досталъ револьверъ и угрожалъ уложить на мѣстѣ старика, и тогда доброволецъ-сыщикъ бросился ко мнѣ въ комнату съ палкою. Между тѣмъ, оторвавъ меня отъ занятій въ кругу сочувствующихъ лазовъ, городской успѣлъ грубо погнать меня въ полицейскій участокъ, гдѣ на меня началъ было безцеремонно кричать мудиръ, но, пока онъ выслушивалъ мой спокойный вопросъ, не было ли касательно меня бумагъ отъ его высшихъ властей по заявленію нашего консула, и я получалъ отрицательный отвѣтъ, младотурецки настроенная толпа ворвалась въ комнату и освободила меня отъ дальнѣйшихъ непріятныхъ послѣдствій.

Конечно, сознательные и интеллигентные лазы насъ защищали не разъ,

но положеніе въ общемъ было такое, что я боялся гибели своихъ лингвистическихъ записокъ. Всякіе вопросы истолковывались превратно, всякіе фотографическіе снимки возбуждали подозрѣніе или, когда вопросъ касался женскихъ типовъ, дѣйствовали раздражающе на мусульманскій фанатизмъ населенія. Постановка самыхъ невинныхъ географическихъ вопросовъ требовала необычайной осторожности. Н. Н. Тихонову, ведущему фотографическую часть, пришлось съзрѣть до крайности сюжеты для снимковъ и часто заниматься фотографированіемъ отнюдь не интересныхъ типовъ, чтобы приручить нѣсколько публику. Когда, такимъ образомъ, намъ удалось устранить всякое основаніе для заподозрѣванія насъ въ военныхъ дѣляхъ, меня стали было признавать младолазомъ, возбуждающимъ лазское населеніе. Но тутъ наступилъ и день моего выѣзда.

Уже первая экскурсія по Аттинскому ущелью выяснила мнѣ малую пользу отъ пѣшаго хожденія по селамъ для изученія чанской рѣчи: для исчерпывающаго ея изслѣдованія нужны ниня условія. Прежде всего нужно, чтобы населеніе относилось къ вамъ съ довѣріемъ и приучилось къ мысли о возможности интереса къ чанскому языку. Этого можно достигнуть лишь повторнымъ посѣщеніемъ края и завязываніемъ знакомства съ отдѣльными вліятельными жителями. Иначе нѣтъ никакой возможности сблизиться съ источниками лучшей чанской рѣчи. Прохода десятки деревень, нельзя попасть ни въ одну изъ нихъ: вы вступаете на территорію данной деревни, но все равно — деревня для васъ закрыта, такъ какъ обыватели живутъ отдѣльными усадьбами, и чтобы войти въ любую изъ нихъ, надо быть знакомымъ съ ея хозяиномъ. Знакомство съ домомъ было бы особенно важно и потому, что это облегчило бы если не бесѣду съ лазскими женщинами, то возможность слышать ихъ, этихъ лучшихъ хранительницъ чистоты чанскаго языка. Единственное мѣсто для общенія съ жителями при отсутствіи знакомаго дома — случайныя встрѣчи въ пути, у родниковъ, въ бесѣдкахъ, которыя расположены вдоль дорогъ на извѣстныхъ промежуткахъ, и особенно въ кофейняхъ. Женщинъ въ кофейняхъ видѣть нельзя: онѣ тамъ не бываютъ. Кромѣ того, въ кофейняхъ собирается разнородный элементъ, хозяева сами не всегда лазы (бываютъ турки и греки), и въ большинствѣ слышна турецкая рѣчь.

Трудно этому повѣрить, но фактъ, что до нашей поѣздки въ Турецкомъ Лазистанѣ далѣе нѣкоторыхъ пунктовъ береговой линіи не бывалъ ни одинъ европейскій ученый. Въ наукѣ, несомнѣнно, больше свѣдѣній объ аравійскомъ полуостровѣ, чѣмъ о маленькомъ краѣ, пограничномъ съ Россією и легко обозрѣваемомъ съ палубы любого парохода русскаго, французскаго и

нѣмецкаго обществѣ. Пароходы названныхъ обществъ — чаще и регулярнѣе всѣхъ нѣмецкій, — совершая рейсы, на своемъ пути изъ Батума заходятъ въ Ризу или во всякомъ случаѣ въ Трапезундъ. Казалось бы, не только грузиновѣдъ и отчасти армянисты, но и классикъ, и византинисты заинтересованы въ знакомствѣ съ этимъ историческимъ краемъ. Но, чтò особенно любопытно, — сами чаны или лазы, такъ плохо намъ извѣстные и никогда нами не посѣщаемые, какъ-никакъ знаютъ Россію и охотно ее посѣщаютъ. Едва ли реальное вліяніе Россіи за-границей сказывается такъ сильно гдѣ-либо, какъ въ Турецкомъ Лазистанѣ. Я скажу болѣе: въ самой отдаленной отъ нашихъ границъ части Турецкаго Лазистана, именно въ Атінскомъ ущельѣ, русское вліяніе сказывается, между прочимъ, въ сильномъ распространѣніи русскаго языка.

Велики ли, однако, соотвѣтственно симпатіи къ русскимъ въ Атінскомъ ущельѣ? Мы, — и я, и студентъ Н. Н. Тихоновъ, были свидѣтелями лишь обратнаго, какого-то непонятнаго злобнаго чувства къ русскимъ. Отдѣльные лица, какъ напр. Февзи-бей, исключительная фигура, въ счетъ не идетъ, да онъ, впрочемъ, русскаго языка и не знаетъ. Вообще изъ моего общенія съ лазами я вынесъ убѣжденіе, что, какъ ни странно, симпатіи и уваженіе къ русскому имени питають — и это старались намъ часто демонстрировать тѣ лазы, которые не знаютъ русскаго языка, и особенно тѣ области Турецкаго Лазистана, въ которыхъ менѣе всего или вовсе не слышно русской рѣчи. Особую подозрительность, къ моему удивленію, проявляли къ намъ, какъ къ русскимъ, тѣ, кто живалъ годами въ Россіи. Одинъ лазъ, по его словамъ, двадцать лѣтъ прожившій въ Кіевѣ, вошелъ ко мнѣ въ комнату и присталъ съ вопросомъ на русскомъ языкѣ о цѣли моего путешествія. «Изучать лазскій языкъ? Зачѣмъ?» Я никакъ не могъ втолковать ему, что существуетъ наука, занимающаяся изученіемъ языковъ. Тогда я рѣшилъ подвести его къ вопросу съ конкретныхъ явленій, и спросилъ его, какъ лицо, двадцать лѣтъ проведенное въ русскомъ университетскомъ городѣ: «Знаешь ли, что значить «университетъ»? — «Нѣтъ!» — «Быть можетъ, ты слышалъ, что среди господъ, приславшихъ за хлѣбомъ въ твою пекарню, есть «профессоръ»? — «Нѣтъ!» — «И про студентовъ никогда не слышалъ?» — «Слышалъ!» — «Знаешь, кто они такіе?» — «Знаю, это — тѣ, которые дерутся»... .

Эти бывавшіе въ Россіи лазы и доводили свою развязность въ обращеніи съ намъ до нахальства. Наоборотъ, живущіе постоянно на родинѣ, даже въ низшихъ слояхъ отличаются извѣстной корректностью.

Для ознакомленія съ краемъ больше всего надежды я возлагалъ на

карту Генеральнаго Штаба. Съ трудомъ удалось получить ее лишь благодаря Императорской Академіи Наукъ, но, получивъ, я не обрадовался, такъ какъ въ самомъ интересномъ для меня пунктѣ, между рѣками Вицѣ и Фортунною, оказалась бѣлая прогалина, — полоса совершенно не обследованная. Отдѣльные листы карты снабжены были надписью «секретно», что затрудняло свободное ею пользованіе въ средѣ, относившейся къ моимъ занятіямъ подозрительно.
